

Авторы сегодняшней литературной страницы — слесарь ЛПЦ № 5 Глеб Мукминов, журналист Юрий Ильясов, работник ММЗ Геннадий Корчагин, преподаватель музыки Эвальд Риб, школьница Ольга Медведева и журналист Александр Павлов. Новые стихи авторов литературной страницы — о родном Урале и нашем городе, о его людях.

Эвальд РИБ

Где-то над родной планетой —
туча дыма.
Это жгут сердца поэтов —
мною любимых.
Пусть за каждым горизонтом —
песня будет!
Пусть за каждым горизонтом —
наши люди!
Пусть за каждым горизонтом —
день рожденья!
Пусть за каждым горизонтом —
вдохновенье!
Пусть за каждым горизонтом —
все удался!
Пусть за каждым горизонтом —
труд и счастье!

Геннадий КОРЧАГИН

НА ЗЯБИ

У Гумбейки березок ватага
подступила к родному селу.
Где-то трактор гудит — работага,
заяб пласта в косматом долу.
Ты куда, паренек конопатый?
Чуб ковыльный в горячем поту.
Иль тебя заманили девчата
на свиданье за третью версту?
Трактор тяжело стерню поднимает,
черный пласт лемехами пронзен.
Пусть березки о нем не вздыхают,
он в российское поле влюблен.
Желтым ежиком клин уползает,
канул день, словно руслик в норе.
Не последний ли пласт остается
в рыжеватой вечерней заре?

Ольга МЕДВЕДЕВА

УДИВИТЕЛЬНОЕ РЯДОМ

Как много интересного
встречается в природе! И в
лесах, и в полях можно
увидеть и найти такие ди-
ковинки, которых и в сказ-
ках нет.

Лежал в лесу корешок.
«Ничего примечательного»,
— думали люди и проходи-
ли мимо. Так бы и дальше
продолжалось, если бы не
случай.

Шел по лесной тропинке
веселый художник. При-
сматривался ко всему, при-
глядывался. Во всем чудеса
видел: вот сучок лежит под
деревом — нет не сучок это,

а ящерка-веретенница, голо-
ву изогнула и лукаво смот-
рит на тропинку. Улыбнул-
ся человек, поднял «ящер-
ку», дальше пошел. На каж-
дом шагу сказки встречают-
ся. Вон кикимора-жорыга в
болоте хоронится, а вон ве-
точка на осине похожа на
птичку.

И вдруг попался на глаза
художнику корень. Тот са-
мый. Взял его человек. И не
сухой корешок увидел он, а
оленья скачущего. Одно пло-
хо: мешают ему лишние от-
ростки на волю выбраться.
«Беда небольшая, — сказал

художник. — Я тебе помо-
гу!».

Принес корень домой, но-
жом осторожно очистил его
кору, отрезал ненужные вет-
ки, отполировал гладкой ко-
стяной палочкой. И ожил
олень! Взметнулся в могу-
чем прыжке сильные ноги,
гордо откинулись на спину
ветвистые рога.

Началась вторая жизнь
корня. И до сих пор стоит
он на столе художника. Все
на оленье любуются, а он лу-
каво поглядывает на гостей
и словно говорит: «Не забы-
вайте, люди добрые, о чуде-
сах природы».

Александр ПАВЛОВ

ЗАСУХА

Пересохла речка наша,
рыбы тычутся в затон...
Заварило лето кашу —
как расхлебывать потом?

Двор в подсолнуховых
кольцах —
вот и все тебе луга.
Лишь коровы в колокольцах
объедают берега.

На стерне не в пору колко.
Эх, степная полоса!
Рассыхается двуколка —
два пропавших колеса.

Пусть бы ливень,
пусть бы с градом,
пусть бы крыши понесло...
Автолавка с лимонадом
позабыла путь в село.

Ну, а где-то спит залесье
на дожде да на ветру.
Благо квасу, хоть залейся —
на нос в сутки по ведру.

Сторона моя степная,
опаленная краса!
Ни конца тебе, ни края,
только горькая роса.

Станция Сычи

Подобру ли, поздорову ли,
я заехал (хоть кричи!)
не на станцию Еловую,
а на станцию Сычи.

Свет зеленый в полночь ломится,
окна в воздухе парят,
знать, великая бессонница
одолела всех подряд.

Тени важные за шторами
возвышаются в ночи...
Что за станция, которая
называется Сычи?

Я спешу дорожкой торною
под холодной луной...
Что за станция, которая
подшутила надо мной?

Шибко жители неважные.
Поздний гость — не постучи!
Тени с душами бумажными!
Поглядишь — и впрямь сычи...

Но рука земле поклонится
острогрудым топором.
На простуженной околлице
зарублю себе хором.

Расписной, неогороженный...
С косяками заодно
врежу в стену придорожную
широценное окно.

Все его завешу аюбью,
о большак ударю клич:
— Заходите, люди добрые!
Заходите, кто не сыч!

ПОСЛЕ СМЕНЫ

На горизонт пролилась алость.
Конец работе.
Все в свой срок.
Тотчас свинцовая усталость,
как говорится, валит с ног.
Она берет меня нахрапом,
в ушах настойчиво звеня.
И в невесомых, крепких лапах
она баюкает меня.

Я не повержен на колени!
А просто сам — не кто-нибудь! —
себе позволил после смены
расслабиться и отдохнуть.
И пусть ликует запоздало,
в ушах настойчиво звеня,
моя свинцовая усталость,
не покорившая меня!

Сравнительно недавно пришел в литературное объединение «Магнит» слесарь пятого листопркатного цеха Глеб Мукминов. Не так просто было высказать свое отношение к миру, к окружающим людям. И литобъединение явилось для него определенным этапом на пути к совершенствованию литературного мастерства. Стихи Глеба Мукминова строгие, экспрессивные, несут в себе добрый поэтический заряд. Тематика их разнообразна, в большинстве стихотворений присутствует публицистическое начало. Суровые военные испытания автор осмысливает как ровесник Великой Победы, твердо очерчивая свою позицию. Магнитка была и остается для него символом трудовой славы, к которой сегодня причастен и он сам. Стихи о любви полны искренности и неизбывного глубокого чувства к женщине. Сегодня мы предлагаем читателям подборку стихотворений молодого автора.

Магнитогорску

Пою тебя, тобой гордясь,
твоей любовью не насытись,
с планетой всей ты держишь связь,
Магнитогорск — уральский витязь.
Стоишь ты на земле былин,
что так преданьями богата,
и нет масштабнее картин,
чем небо — в трубах комбината.
Мы ставим времени мосты,
идем по жизни кузнецами,
затылком чувствуя костры,
для нас зажженные огнями,
что разбудили тишь степей
стальной силой Урала.
Магнитогорск, от нас, людей
ты все-таки берешь начало.
Ты начинаешься с детей,
что, сжав опухшие портфели,
гурьбой в ясноглазость дней
из школьной выбегают двери.
Ты начинаешься с тех всех,
кто воспевал тебя в поэмах,
кто в дождь кайлил с тобой
и в снег,
кляня чертей, забыв о ценах.
Перед метелью огневой,
как подобает коммунисту,
вставал ты потною броней,
ломаю челюсти фашизму.
Стоишь, трудом своим искрясь,
не обеднен, не приукрашен,
и я пою, тобой гордясь,
мой город —
будущее наше!

Глеб МУКМИНОВ

А воздух шел у щек пружинисто,
на что-то зол, упрям, горяч.
На землю долго и прерывисто
сползал сухой, недобрый плач.
И облака под солнцем плавилась,
а жар прокаливал меня...
Земля потрескалась...
Не нравились
ей эти роспески огня.
И я хотел, чтоб что-то сдвинулось,
чтобы не трескалась земля, —
ну хоть бы море опрокинулось,
и душу б отвели поля...

Война

Вой-на... —
Какое злое слово!
Всего пять букв,
но сколько
в нем
смертельного и огневого,
что видеть в снах
не устаем.
...И звезды
опускались
низко
на разлохмаченные
дни.
...Вставали гордо
обелиски —
границей
мира
и войны.

Родная, древняя планета
пылится

у меня
в ногах
Я слышу: бомбы
рвутся где-то,

И снова матери —
в слезах.

Ужель забыты
все уроки

тех сел,
не найденных
в золе?!

...И я расплескиваю
строки,

чтоб чем-нибудь
помочь

земле.
Стоим в задумчивом
молчаньи,

пред нами —
вечные огни...

На смену,
верю,
дням печали

придут
любви и мира дни.

ПРОСТИ

Прости, что был я откровенен,
что стар я был, несовременен.
Прости, что был порою скучен,
казался мудростью измучен.
Прости, что в чем-то был неточен,
за то, что где-то был «не очень»,
за то, что снега маету
мы не гасили на лету...
Прости, что был испорчен вечер,
который мною был обесцвечен.
Прости, что был я ласков, нежен,
прости, что видимся мы реже.
Прости меня за то, что было,
за то, что горечью дымило.
Прости за этих слов прилив,
прости, что был несправедлив...

ЗНОЙ

Земля потрескалась... Морщинами
покрылся ее черный лоб,
и зерна кажутся мужчинами,
что в черствый втиснулись окоп.